

Красавский Николай Алексеевич, Захарова Евгения Михайловна

**ПЕРСОНИФИКАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ОПИСАНИЯ И ЭКСПЛИКАЦИИ КОНЦЕПТОВ
"МУДРОСТЬ", "ЛЮБОВЬ", "РАДОСТЬ", "ДУША" В РОМАНЕ ГЕРМАНА ГЕССЕ "СИДДХАРТХА.
ИНДИЙСКАЯ ПОЭМА"**

На материале романа "Сиддхартха. Индийская поэма" Германа Гессе швейцарско-немецкого писателя XX века предлагаются результаты исследования персонификации как художественно-выразительного средства, описывающего и выражающего концепты "мудрость", "любовь", "радость", "душа". Установлена специфика их индивидуально-авторского понимания Германом Гессе. Определены индивидуально-авторские смысловые приращения в содержании данных концептов. Выявлен высокий прагматический потенциал персонификации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-3/26.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. III. С. 104-107. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81.373

Филологические науки

На материале романа «Сиддхартха. Индийская поэма» Германа Гессе швейцарско-немецкого писателя XX века предлагаются результаты исследования персонификации как художественно-выразительного средства, описывающего и выражающего концепты «мудрость», «любовь», «радость», «душа». Установлена специфика их индивидуально-авторского понимания Германом Гессе. Определены индивидуально-авторские смысловые приращения в содержании данных концептов. Выявлен высокий прагматический потенциал персонификации.

Ключевые слова и фразы: метафора; персонификация; фигура речи; художественно-выразительные средства языка; текст; контекст; эмотивный; ассоциация; значение слова; концепт; индивидуально-авторский концепт; концептуализация; когнитивный признак; аксиологическая картина мира.

Красавский Николай Алексеевич, д. филол. н., профессор

Захарова Евгения Михайловна

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

nkrasawski@yandex.ru; evgzakharowa@ya.ru

**ПЕРСОНИФИКАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ОПИСАНИЯ И ЭКСПЛИКАЦИИ
КОНЦЕПТОВ «МУДРОСТЬ», «ЛЮБОВЬ», «РАДОСТЬ», «ДУША»
В РОМАНЕ ГЕРМАНА ГЕССЕ «СИДДХАРТХА. ИНДИЙСКАЯ ПОЭМА»[©]**

Исследование проведено при финансовой поддержке Минобрнауки России на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания № 2014/411 (код проекта: 1417).

В предлагаемой читателю статье мы охарактеризуем в лингвопрагматическом аспекте персонификацию, служащую способом описания и выражения индивидуально-авторских концептов в романе Германа Гессе «Сиддхартха. Индийская поэма» («Siddhartha. Eine indische Dichtung», 1922 г.). Эта фигура речи активно используется в творчестве швейцарско-немецкого писателя, является эффективным способом художественной вербализации природных явлений. Применение персонификации в творчестве Германа Гессе обусловлено его общефилософской позицией, в частности, серьезным увлечением буддизмом, в целом восточными учениями. Г. Гессе, как известно, был глубоко разочарован западной цивилизацией, событиями в Европе, имевшими место в первой половине XX века. Его потрясли мировые войны, приход к власти в Германии нацистов. Все эти события глубоко переживались писателем, высшими ценностями для которого служили человеколюбие, вера в человека. В романе «Сиддхартха. Индийская поэма» швейцарско-немецкий писатель обращает внимание читателя на бренность мира, на кратковременность мирских удовольствий, с одной стороны, и на целесообразность устройства гармоничной жизни человека – с другой. Ее, гармонию, можно достичь в том случае, если постоянно прислушиваться к жизни самой природы. Жизнь природы в отличие от жизни человека гармонична – это один из важнейших прослеживаемых во многих произведениях Германа Гессе постулатов. Данная ценностная установка и предопределяет активное использование им персонификации.

Под персонификацией традиционно понимается наделение предметов мира, разнообразных природных явлений антропоморфными чертами. Как разновидность метафоры персонификация достаточно часто используется в художественных текстах в качестве средства описания и экспликации индивидуально-авторских концептов, что обусловлено ее высоким прагматическим потенциалом.

В романе «Сиддхартха. Индийская поэма» мы видим историю жизни человека, ищущего ответ на вопрос экзистенциального характера – в чем смысл человеческой жизни? Протагонист этого произведения Сиддхартха – неординарная личность, стремящаяся к гармонии в жизни. Он, преодолевая самые различные препятствия, испытывая периоды духовного падения и возрождения, в конце концов, находит свое «Я» в сложном, полном противоречий мире.

Поиск смысла жизни, попытки найти истинное предназначение человека приводят Сиддхартху к встрече с Готамай (Буддой). Сиддхартха, увидевший впервые Готаму, находится под глубоким впечатлением: *Aber er blickte aufmerksam auf Gotamas Haupt und auf seine Schultern und auf seine Füße ... <... > ihm schien, jedes Glied an jedem Finger dieser Hand war Lehre, sprach, atmete, duftete, glänzte Wahrheit* [3]. / *Внимательно смотрел он на Готаму, на его голову, на его плечи, на его ноги, на его спокойно опущенную руку – и ему казалось, что каждая фаланга каждого пальца этой руки была Учением, высказывала, выдыхала, исторгала, излучала истину* (здесь и далее перевод Г. Б. Ноткина [1]). Посредством использования глаголов *sprechen* и *atmen* персонифицируется истина. Ей приписываются такие антропоморфные признаки, как умение говорить и дышать. В данном случае уместно вести речь о концепте «мудрость», выраженном словами *Lehre* (учение) и *Wahrheit* (истина). Готама выступает символом знания и мудрости.

Достаточно частотно в романе актуализируются эмоциональные концепты – радость и любовь. Им приписываются определенные физические действия человека. Эти действия выражены глаголами *springen*, *sich rühren*, в значении которых есть архисема «(активное) перемещение субъекта в пространстве»: *Freude sprang*

*in seines Vaters Herzen über den Sohn, den Gelehrigen, den Wissensdurstigen, einen großen Weisen und Priester sah er in ihm heranwachsen <...>. **Wonne sprang** in seiner Mutter Brust, wenn sie ihn sah, wenn sie ihn schreiten, wenn sie ihn niedersitzen und aufstehen sah, Siddhartha, den Starken, den Schönen, den auf schlanken Beinen Schreitenden <...>. **Liebe rührte sich** in den Herzen der jungen Brahmanentöchter, wenn Siddhartha durch die Gassen der Stadt ging, mit der leuchtenden Stirn, mit dem Königsauge [3]... / **Радость наполняла** сердце отца – радость за сына, быстрого в учении, жадного к знанию; ростки мудрости видел он в нем – рос великий жрец, рос будущий глава брахманов. **Блаженство наполняло** сердце матери, когда она смотрела на него; когда она смотрела, как он идет, как он встает, как садится; ее Сиддхартха, сильный, красивый, как он идет, переступая сильными ногами, с каким благородным достоинством он приветствует ее. **Любовь касалась** сердец юных дочерей брахманов, когда шел по улицам города Сиддхартха, взгляды их ласкали его светлый лоб, его гордые глаза, его узкие бедра [1]. В анализируемом текстовом пассаже ключевые позиции занимают оценочные лексемы с положительной коннотацией – *das Herz (сердце), der Gelehrige (образованный), der Wissensdurstige (жаждущий знаний), der große Weise (великий мудрец), der Starke (сильный), der Schöne (красавец), schlank (стройный), jung (молодой), die leuchtende Stirn (светлый лоб), das Königsauge (королевские глаза)*. Их употребление оценочно характеризует Сиддхартху как гармоничного, красивого, умного, образованного молодого человека, вызывающего переживание чувств радости, блаженства и любви у окружающих.*

В следующем примере любви приписывается витальная способность насытить человека: *Siddhartha hatte begonnen, Unzufriedenheit in sich zu nähren. Er hatte begonnen zu fühlen, dass **die Liebe** seines Vaters, und **die Liebe** seiner Mutter, und auch **die Liebe** seines Freundes, Govindas, nicht immer und für alle Zeit ihn beglücken, ihn stillen, ihn sättigen [3]... / Ростки неудовлетворенности начинали пробиваться в душе Сиддхартхи. Он начинал понимать, что **любовь** отца, и **любовь** матери, и **любовь** Говинды, его друга, не всегда будет составлять его счастье, не всегда будет успокаивать его, и **насыщать, и удовлетворять** [1]. Средством персонификации любви выступают многочисленные глаголы (*напоить, умиротворить, успокоить*) и *sättigen (насытить)*. Использование этих глаголов в данном отрывке текста вызывает у читателя богатый ассоциативный ряд в силу их семантики. Так, глагол *stillen*, согласно лексикографическим источникам [2, S. 1470], имеет три лексико-семантических варианта (ЛСВ). Один из них – «*einen Säugling an der Brust Muttermilch trinken lassen*» (кормить младенца материнским молоком). Употребление Г. Гессе этого глагола в данном контексте вызывает у читателя ассоциацию протагониста с младенческим возрастом человека, его витальной зависимостью от родителей (матери). Всевозрастающие духовные и познавательные потребности взрослеющего Сиддхартхи не смогут в скором времени удовлетворить ни отец, ни мать, ни друг Говинда. Употребление в приведенном выше фрагменте текста глагола *sättigen*, одним из ЛСВ которого выступает «*soviel hinzufügen, dass die Grenze der Aufnahmefähigkeit erreicht ist*» (добавить столько, пока не будет достигнут предел вместимости) [Ibidem, S. 1293], показывает понимание Сиддхартхи границ его познания, которые не может расширить любовь к нему его близких.*

Наряду с вышеотмеченными глаголами *springen, sich rühren*, обозначающими перемещение субъекта в пространстве, в произведении Г. Гессе для вербализации эмоциональных концептов используется глагол *bewegen*. Он, в частности, применяется для экспликации чувств недовольства. Сиддхартха, решивший уйти из дома к странствующим саманам, просит разрешения на это у отца, который осуждает сына: *Da sprach der Vater: «Nicht ziemt es dem Brahmanen, heftige und zornige Worte zu reden. Aber **Unwille bewegt** mein Herz. Nicht möchte ich diese Bitte zum zweiten Male aus deinem Munde hören» [3]. / И тогда заговорил отец: «Не подобает брахману произносить сердитые и гневные слова. Но **движет недовольство** моим сердцем. Да не произнесут губы твои во второй раз эту просьбу» [1]. Здесь, как можно видеть, имеет место конфликт интересов двух сторон. Его маркерами выступают оценочные слова *heftig (сильный), zornig (гневный)*. Желание прекратить разговор на тему ухода сына к саманам (индуистским отшельникам) отец, однако, выражает в достаточно деликатной форме (использование отрицательной частицы *nicht* и модального глагола *mögen* в конъюнктиве). Концепт «недовольство» обозначен здесь самим его номинантом *Unwille*. Свое же художественно-экспрессивное описание он получает через оценочные слова *heftig (сильный)* и *zornig (гневный)*.*

Глагол *hineinschlüpfen (скользнуть вовнутрь)* так же, как и глаголы *springen, sich rühren, bewegen*, обозначает перемещение объекта в пространстве, обладая при этом дополнительными уточняющими семами «быстро», «внутри»: *hineinschlüpfen 1) nach [dort] drin schlüpfen; 2) in etw. schlüpfen; schnell in die neue Rolle schlüpfen [2, S. 713]*. Этим глаголом персонифицируется душа Сиддхартхи: *Ein toter Schakal lag am Sandufer, und Siddharthas Seele schlüpfte in den Leichnam hinein, war toter Schakal, lag am Strande, blähte sich, stank, verwesete, ward von Hyänen zerstückt, ward von Geiern enthäutet, ward Gerippe, ward Staub, wehte ins Gefild [3]. / Мертвый шакал лежал на берегу реки, и **душа** Сиддхартхи **ускользала** в труп, вселялась в мертвого шакала, лежала на песке, **вздывалась, смердела, разлагалась**, ее рвали на части гиены, ее пожирали стервятники, от нее оставался скелет, и она **рассыпалась в пыль и развеивалась в полях** [1]. В данном отрывке текста описано эмоциональное состояние Сиддхартхи, научившегося перевоплощаться в животных (шакал, гиены, стервятники), равно как и в неживые субстанции (скелет, пыль). В этих строках проявляется увлечение Германа Гессе буддизмом, философские основы которого ему были близки. Автором в приведенном отрывке из романа показана сложная взаимосвязь явлений живого и неживого мира, корреляция духовной и чувственной жизни человека, своеобразный круговорот материи. Как можно видеть из текста романа, у индивидуально-авторского концепта Г. Гессе «душа» есть необычные смысловые приращения, выраженные в конкретном контексте словами *der Schakal (шакал), das Gerippe (скелет), das Staub (пыль), sich blähen (вздываться), stinken (смердеть), verwesen (разлагаться)*. Своеобразие индивидуально-авторской концептуализации души выражено ее когнитивными признаками «шакал», «скелет», «пыль», «вздываться», «смердеть», «разлагаться», вызывающими (по крайней мере, у представителя европейской культуры) негативные ассоциации. Хорошо*

известно, что понятие души ассоциируется с чем-то светлым, высоким, неземным. В данном случае мы видим значительные индивидуально-авторские смысловые приращения в содержании концепта «душа».

Персонификация души, как показывает материал, осуществляется и посредством глагола *zurückkehren* (*вернуться*), в значение которого входит архисема «перемещение субъекта в пространстве»: *Und Siddharthas Seele kehrte zurück, war gestorben, war verwest, war zerstäubt, hatte den trüben Rausch des Kreislaufs geschmeckt, harrte in neuem Durst wie ein Jäger auf die Lücke* [3]. / *Но умершая, разложившаяся, раздробленная в пыль возвращалась душа Сиддхартхи, испытыв сумрачное упоение круговорота, и, как охотник, с новой жаждой спешила дальше, к тому просвету* [1]... Как и в предыдущем случае в концепте «душа» актуализируются ярко выраженные индивидуально-авторские когнитивные признаки *verwesen* (*разлагаться*), *zerstäuben* (*превращаться в пыль*), *der Jäger* (*охотник*). Душа уподобляется пыли, сравнивается с охотником, умирает и разлагается, чтобы потом опять возродиться. Ключевым в данном фрагменте текста выступает слово *der Kreislauf* (*круговорот*), подчеркивающее один из постулатов буддистской философии – абсолютно все в мире связано: мир живой и неживой, духовный и чувственный.

Объектом персонификации в романе часто выступает река – один из излюбленных символов Германа Гессе. Способом ее персонификации выступает глагол говорения *sprechen*: *Gegen das Ende von Siddharthas Erzählung aber, als er von dem Baum am Flusse sprach, und von seinem tiefen Fall, vom heiligen Om, und wie er nach seinem Schlummer eine solche Liebe zu dem Flusse gefühlt hatte, da lauschte der Fährmann mit verdoppelter Aufmerksamkeit, ganz und völlig hingeeben, mit geschlossnem Auge. Als aber Siddhartha schwieg, und eine lange Stille gewesen war, da sagte Vasudeva: «Es ist so, wie ich dachte. Der Fluss hat zu dir gesprochen. Auch dir ist er Freund, auch zu dir spricht er. Das ist gut, das ist sehr gut. Bleibe bei mir, Siddhartha, mein Freund»* [3]. / *Но конец рассказа Сиддхартхи (когда он говорил о дереве у реки, о постыдной своей слабости, о священном слове “Ом” и о том, как, очнувшись от своего забытья, он всей душой полюбил эту реку) перевозчик слушая с удвоенным вниманием, целиком обратившись в слух, закрыв глаза. Сиддхартха умолк, и наступила долгая тишина, и потом в тишине зазвучал голос Васудевы: Да, так я и думал, – сказал он. – С тобой говорила река. Она и твой друг тоже, она разговаривает с тобой. Это хорошо. Это очень хорошо. Оставайся со мной, Сиддхартха, оставайся, мой друг* [1]. В разговоре с мудрецом-перевозчиком Васудевой Сиддхартха рассказывает о том, как услышал голос могущественной реки, спасшей его, отчаявшегося, несчастного и одинокого, от суицида. Употребление лексем *heilig* (*святой*), *Om* (*ом*), *die Liebe* (*любовь*), *der Freund* (*друг*), обладающих положительной коннотацией, характеризует важнейший этап жизни протагониста романа – этап его просветления, познания сложности устройства человеческого бытия, с одной стороны, а с другой – его привязанность к мудрецу Васудеве. В данном случае актуализируются такие концепты, как мудрость и любовь.

Образ реки многократно упоминается в романе. Река символизирует в произведении два противопоставленных друг другу мира – мир чувственный и мир духовный. Перевозчик Васудева выступает посредником между этими мирами. Собственно, это один и тот же мир, условно разделенный на две части. Приведем еще один пример персонификации реки: *Oft schon hatte er all dies gehört, diese vielen Stimmen im Fluss, heute klang es neu. Schon konnte er die vielen Stimmen nicht mehr unterscheiden, nicht frohe von weinenden, nicht kindliche von männlichen, sie gehörten alle zusammen, Klage der Sehnsucht und Lachen des Wissenden, Schrei des Zorns und Stöhnen der Sterbenden, alles war eins, alles war ineinander verwoben und verknüpft, tausendfach verschlungen. Und alles zusammen, alle Stimmen, alle Ziele, alles Sehnen, alle Leiden, alle Lust, alles Gute und Böse, alles zusammen war die Welt* [3]. / *Не раз он уже слышал это множество голосов реки – сегодня они звучали по-новому. Он уже не мог отличить радостные голоса от плачущих, детские от мужских – так они все были слиты; жалобы страждущих и смех знающих, крики гнева и предсмертные стоны – все слилось воедино, все растворилось одно в другом и переплелось, тысячекратно отразившись. И все вместе – все голоса и цели, все стремления и муки, все наслаждения, все доброе и злое – все это вместе творило мир, составляло поток бытия, музыку жизни* [1]. В данном текстовом фрагменте Германом Гессе показаны единство человеческого мироздания, условность разграничения чувственного мира и мира духовного, их взаимная связь и обусловленность («*alles war eins, alles war ineinander verwoben und verknüpft*» – «*все слилось воедино, все растворилось одно в другом и переплелось*»). Здесь раскрыта богатая палитра человеческих чувств, переживаний: жалобный голос человеческой тоски, смех просвещенного, выкрики гнева, стон умирающих.

Река наделена ментальными способностями человека – она может смеяться (*lachen*): *Der Fluss lachte, er lachte hell und klar den alten Fährmann aus. Siddhartha blieb stehen, er beugte sich übers Wasser, um noch besser zu hören, und im still ziehenden Wasser sah er sein Gesicht gespiegelt, und in diesem gespiegelten Gesicht war etwas, das ihn erinnerte, etwas Vergessenes, und da er sich besann, fand er es: dies Gesicht glich einem andern, das er einst gekannt und geliebt und auch gefürchtet hatte. Es glich dem Gesicht seines Vaters, des Brahmanen* [3]. / *Река отчелоливо, светло и ясно смеялась, река высмеивала старого перевозчика. Сиддхартха застыл на месте. Он наклонился к воде, чтобы лучше слышать, и в зеркале спокойного потока увидел свое отражение. Это отражение что-то напомнило ему – что-то забытое, и, сосредоточившись, он вспомнил, узнал: лицо в воде было похоже на другое, и он его когда-то знал и любил, и даже побаивался его. Оно было похоже на лицо его отца, брахмана* [1]. Смех реки вызывает у протагониста давно забытые воспоминания – воспоминания об отце.

Реке приписывается и такое свойство человека, как умение видеть: *Zärtlich blickte er in das strömende Wasser, in das durchsichtige Grün, in die kristallinen Linien seiner geheimnisreichen Zeichnung. Lichte Perlen sah er aus der Tiefe steigen, stille Luftblasen auf dem Spiegel schwimmen, Himmelsbläue darin abgebildet. Mit tausend Augen blickte der Fluss ihn an, mit grünen, mit weißen, mit kristallinen, mit himmelblauen. Wie liebte er dies Wasser, wie entzückte es ihn, wie war er ihm dankbar! Im Herzen hörte er die Stimme sprechen, die neu erwachte, und sie sagte ihm: Liebe dies Wasser! Bleibe bei ihm! Lerne von ihm! O ja, er wollte von ihm lernen, er wollte ihm*

zuhören. Wer dies Wasser und seine Geheimnisse verstünde, so schien ihm, der würde auch viel anderes verstehen, viele Geheimnisse, alle Geheimnisse [3]. / С нежностью смотрел он на бежущую воду, всматривался в прозрачную зеленую глубину, в кристальные линии ее таинственного рисунка. Он видел, как светлые жемчужины поднимаются из глубины, как легкие порывы ветра пробегают по сверкающей водной глади, как отражается в ней голубизна неба. **Тысячью глаз смотрела в него река:** зелеными, белыми, хрустальными, небесно-голубыми. Как любил он эту воду, как она восхищала его, как он был ей благодарен! Он слышал в своем сердце оживший, вновь проснувшийся голос, и голос говорил ему: "Люби эту воду! Оставайся возле нее! Учись у нее!" О да, он хотел у нее учиться, хотел слушать ее; ему казалось, что тот, кто поймет эту воду, поймет ее тайну, тот сможет понять и многое другое, многие тайны, все тайны [1]. В приведенном отрывке романа изображается перевоплощенный Сиддхартха, Сиддхартха, оставивший идею суицида и решивший жить по ту сторону реки – в мире духовном. Данный фрагмент текста экспрессивен. Он изобилует положительно-оценочной лексикой – *zärtlich* (нежно), *licht* (светлый), *lieben* (любить), *entzücken* (восхищать), – подчеркивающей прозрение протагониста, вернувшуюся к нему благодаря реке любовь к жизни. Взгляд реки пленит, покоряет Сиддхартху, заряжает его жизненной энергией («*Mit tausend Augen blickte der Fluss ihn an*» – «тысячью глаз смотрела в него река»). Стержневым здесь выступает концепт «любовь».

Река таинственна. Своей загадочностью, своими божественными голосами она волнует до глубины души Сиддхартху: *Von den Geheimnissen des Flusses aber sah er heute nur eines, das ergriff seine Seele. Er sah: dies Wasser lief und lief, immerzu lief es, und war doch immer da, war immer und allezeit dasselbe und doch jeden Augenblick neu! O wer dies fasste, dies verstünde! Er verstand und fasste es nicht, fühlte nur Ahnung sich regen, ferne Erinnerung, göttliche Stimmen* [3]. / Но из таинств реки ему открылось пока лишь одно, лишь то, что **осознала его душа**. Он видел: эта вода течет и течет, все время течет она, то все время остается здесь, всегда и во все времена одна и та же – и все же каждый миг новая! О, если бы охватить это, понять это! Но ни понять, ни охватить этого он не мог и чувствовал только, как шевелятся в душе смутные догадки, всплывают далекие воспоминания, звучат божественные голоса [1]. Понять реку, расположенную между миром чувственным и миром духовным, реку как символ бренности бытия и в то же время его вечности – значит осмыслить само предназначение человека.

Резюмируем изложенное выше.

Ключевыми концептами, вербализованными персонификацией, являются мудрость, любовь, радость и душа. Их высокая степень актуализации в романе «Сиддхартха. Индийская поэма» обусловлена системой аксиологических координат Германа Гессе, иерархий ценностей его индивидуально-авторской картиной мира.

Использование персонификации в данном романе, равно как и в других произведениях Г. Гессе, объясняется, по нашему мнению, не только эстетической системой швейцарско-немецкого писателя, оригинальным выбором художественно-выразительных средств, но и его самой мировоззренческой позицией. Применение персонификации в романе «Сиддхартха. Индийская поэма», как мы понимаем, обусловлено, с одной стороны, стремлением Г. Гессе в яркой и красочной форме показать читателю одухотворенность явлений природы, а с другой – через соприкосновение с ней, погружение в нее, диалог с ней открыть глубинные смыслы человеческого бытия, найти способ нравственного очищения для современного человека. Использование Г. Гессе персонификации как художественно-выразительного средства помогает осознать читателю сложность восточной (буддистской) философской мысли, понять ее замысловатые глубинные пласты, на которых построена восточная цивилизация, традиционно противопоставляемая цивилизации западной, отличающаяся от нее иерархией ценностных культурных доминант.

Список литературы

1. Красавский Н. А. Олицетворение облаков в романе Германа Гессе «Петер Каменцинд»: аксиологический подход // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25). Ч. 2. С. 112-116.
2. **Deutsches Universalwörterbuch.** Mannheim – Wien – Zürich: Dudenverlag, 1989. 1816 S.
3. **Hesse H.** Siddhartha [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hesse.ru/books/read/?book=sidha> (дата обращения: 27.01.2014).

PERSONIFICATION AS MEANS OF DESCRIPTION AND EXPLICATION OF CONCEPTS "WISDOM", "LOVE", "JOY", "SOUL" IN NOVEL BY HERMANN HESSE "SIDDHARTHA: AN INDIAN POEM"

Krasavskii Nikolai Alekseevich, Doctor in Philology, Professor

Zakharova Evgeniya Mikhailovna

Volgograd State Socio-Pedagogical University

nkrasawski@yandex.ru; evgzakharowa@ya.ru

By the material of the novel "Siddhartha: An Indian Poem" by Hermann Hesse, the Swiss-German writer of the XX century, the results of personification study as an artistic-expressive means describing and expressing the concepts "Wisdom", "Love", "Joy" and "Soul" are presented. The specifics of their individually- author's perception by Hermann Hesse is detected. The individually-author's semantic accessions in the content of the given concepts are determined. The high pragmatic potential of personification is revealed.

Key words and phrases: metaphor; personification; schema; artistic-expressive means of language; text; context; emotive; association; word meaning; concept; individually-author's concept; conceptualisation; cognitive criterion; axiological world view.